

Нижний прошлого — в творчестве Горького

С. ОРЛОВ

Прошлое дореволюционного Нижнего-Новгорода, с кутежемаи «именитых» на «всероссийском торжище» в «окуровским» бытом нижегородского обывателя, прошлые Башкировых, Бугровых и Рукавишниковых, богатое «свинцовыми мерзостями русской жизни», сметено революцией и никогда не вернется вновь.

Есть хорошая книга, раскрывающая для современного читателя этот далекий мир. Имя ей — творчество Горького.

В «Детстве», подводя итоги своих впечатлений, Горький пишет: «Вспоминая эти свинцовые мерзосты русской жизни, я минутами спрашиваю себя: да стоит ли говорить об этом? И с обновленной уверенностью отвечаю себе: «Да, стоит, ибо эта живучая подлая правда, она не издохла и по сей день».

Независть к ушедшей в прошлое «живучей правде», стремление нечаять это прошлое так, как его ненавидит Горький, учит и «Детство», и «В людях», учит и «Фома Гордеев», «Жизнь Клима Самгина», «Дело Артамоновых», «Мать» и др. Сожучность названных произведений дает колоритный облик прошлого Нижнего, по улицам которого бегал, знакомься с эпохой, Алеша Пешков.

В «Детстве» и «В людях», рисуя яркую внешность Нижнего, Горький после не раз подчеркнет, для кого и чему предназначались его блеск и богатства.

«Пароход остановился против красивого города, среди реки, тесно загроможденной судами, ошестившейся сотнями острых мачт».

Маленький Алеша, как и Пилья («Трое»), одинаково восхищается великолепным городом, развернувшимся перед ними; но (кто знает?) не свои

ли впечатления от него рисует Горький фразой: «Потом в душе его родилась беснекойная мысль: пустят ли их туда, в этот чистый, богатый, блестящий золотом огромный город?» («Трое»).

Ни один из писателей, живших когда-либо в Нижнем, не показал так широко и подробно сочный быт Полевых и Покровов, как сделал это Горький. Жизнь громадного города, правь сонных окраин и мрачных трущоб «Миллионки» развернулась во-всю перед глазами Алени. Местом жительства мальчика сначала, явился «приземистый однеэтажный дом, окрашенный грязно-розовой крапкой, с нахлобученной пизкой крышей и вышученными окнами. В этом доме, который и поныне стоит на углу Успенского съезда, «дед засекал меня до потери сознания», — вспоминает писатель.

Глава за главой рассказывает «Детство» тяжелую повесть страниц единственной биографии мальчика, который только чудом не превратился в зверя. «Дед купил себе большой, интересный дом на Полевой улице, с кабаком в нижнем каменном этаже и садом, который спускался в овраг, густо ошестившийся голыми прутьями ивняка. «Розог-то! — сказал дед, весело подмигнув мне, — вот я тебя скоро грамоте начну учить, так согдятся».

«Дом приобрел шумливую славу; почти каждое воскресенье к нашим воротам сбегались мальчишки, радостно оповещая улицу: «У Кашириных опять дерутся».

В дальнейшем — жизнь на Канатной (знакомство с «Хорошим делом»),

школа, о которой у Горького сохранились такие строки: «В школу мы ходили с месяц времени. Из всего, что мне было преподано в ней, я помню только, что на вопрос: как твоя фамилия? нельзя ответить просто: Пешков, а надобно сказать: «моя фамилия Пешков», а также нельзя сказать учителю: «ты, брат, не кричи, я тебя не боюсь».

О Покровье, Звездинке, Ильинке и Кооперативной рассказывает в повести «В людях»: «Я — в людях, служу мальчиком при магазине модной обуви на главной улице города».

Там, где теперь раскинулся Звездинский садик, полвека назад был илистый Звездин пруд, над которым Алеша работал у чертежника Сергеева. «Улицы нет, перед домом распластался грязный овраг, в двух местах его ререзали узкие дамбы, направо в конце оврага кишит илистый Звездин пруд».

Кооперативная улица, теперь наиболее многолюдная, богатая трамваем и автобусами, сохранила от прошлого обломки кирпичей; рельсы трамвая, соединившего Кооперативную с верхом города, легли там, где некогда торговал купеческий «Гостинный двор».

«Весь Гостинный двор, все население его — купцы и приказчики — жили странной жизнью, полной глумоватых по-детски, но всегда злых забав. Если приезжий мужик спрашивал, как ближе пройти в то или иное место города, ему всегда указывали на неверное направление. Поймав пару крыс, связывали их хвостами, пускали на дорогу и любовались тем, как они рвутся в разные стороны, кусая друг друга; а иногда облюют крысу веревочком и зажгут ее. Навязывали на хвост собаки разбитое железное ведро, собака в диком испуге, с виз-

гом и грохотом мчалась куда-то, а люди смотрели с хохотом». («В людях»).

Улица, которую издевательски называли «Миллионной», улица, в прошлом богатая кабаками и притонами, а теперь имеющая одну из крупнейших библиотек им. «родельских пионеров» и холодильник, не случайно привлекала к себе творческое внимание пролетарского писателя. «Я усердно присматривался к людям, тесно набитым в старый и грязный каменный мешок улицы. Все это были люди, оглобленные от жизни; но, казалось, что они создали свою жизнь независимую от хозяев и веселую: они жили более празднично, чем все другие люди».

Люди «Миллионки», стоявшие по ту сторону грани сытого, мещанского благополучия, были близки Горькому, как вызов мещанству и угнетательской безудержности купеческого быта. С миллионной у Горького связано много воспоминаний. Об одном из них рассказывает он в очерке «Н. А. Бугров».

«Зимой из почлежного дома выгоняли людей в 6 часов утра, когда на улице темно и делать нечего; босяки и безработные шли в шалманы, грязные трактиры, соблазнялись там чаем, водкой, напивали и поедали за зиму рублей на 60; весной, когда начиналась работа на Оке и Волге, трактирщики распоряжались закупленной рабочей силой, как им было угодно, выжимая зимние долги. Мы сняли помещение, где люди могли сидеть в тепле, давали им порцию чая за 2 копейки, фунт хлеба, организовали маленькую библиотеку, поставили пианино и устраивали в праздничные дни концерты, литературные чтения. Наше пристанище помещалось в доме с колоннами; его прозвали «Столбы»; оно с утра до вечера было набито людьми, а босяки чувствовали себя подлинными хозяевами его, сами сторога следили за чистотой и порядком».

Волга, так любимая Горьким, и Набережная изображаются им в десятках произведений.

«Незаметно для себя очутился на Набережной Волги с двугривенным в

руке. Два два—три я шлялся по Набережной, питаюсь около добродушных крючников, ношу с ними на пристанях; потом один из них сказал мне: «Ты, мальчишка, зря треплешься тут, иди-ка на «Добрый», там посудника надо». («В людях»).

Симфонию труда грузчиков волжских пристаней, напряженную жизнь Волжской набережной Горький прекрасно нарисовал в «Фоме Гордееве»: «Он очнулся от своих дум на Набережной, у пристаней, разбуженный шумом труда. Всюду несли и везли разные вещи и товары, люди двигались спешно и озабоченно. Понукали лошадей, раздражаясь, кричали друг к другу, наполняли улицу bestолковой суетой и оглушающим шумом горюпливой работы. С одной из пристаней давно уже разносилась по воздуху веселая «дубинишка».

Откос, всегда привлекавший к себе внимание нижегородских писателей, зарисовал им в повести «В людях» и вспоминал о Петропавловском Карелине и Короленко.

Канавино, с определяющей физиономией района ярмаркой, зарисовано в «Детстве», «В людях», в «Деле Артамоновых», «Жизнь Влима Самгина» и др. Автобиографические воспоминания о прогулках на пески, о споре с сыном торговца Валеком и ночлеге на кладбище, воспоминания о школе — показаны на фоне изображения Канавина.

«Весною, в горячее время, перед ярмаркой, по вечерам улицы Слободы были обильно засеяны унывшими мастерами, извозчиками и всяким рабочим людом; слободские ребятишки всегда ошаривали их карманы; это был промысел, узаконенный, им занимались безболезненно на глазах старших». («Детство»).

«Развеселое Кунавино село», кипащее кабаками и публичными домами, описанное в повести «В людях», давало богатейший материал для писателя в период «знаменитой всероссийской ярмарки». Горьким дано непревзойденное описание этой ярмарки, с картиной «высокого» посещения во время выставки в повести «Жизнь Влима Самгина» и в «Деле Артамо-

новых». Социальную сущность «праздника», действительное лицо «всероссийского торжища» дал Горький в «Жизни Влима Самгина»:

«Самгин... ускорил шаг и свернул в одну из улиц Кунавина, сплошь занятую публичными домами. Почти в каждом окне, чередуясь с трехцветными полосами флагов, торчали полудетые женщины, показывая голые плечи, груди, циничски перекликались в окно».

В «Деле Артамоновых» пьяный разгул ярмарки переживает Петр Артамонов. Сцепы свиноподобного велья купечества, с неподражаемым обжорством и раздеванием бетанкуровских «красавиц», останутся надолго одним из сильнейших пунктов счета социального возмездия, представляемого буржуазии пролетариатом.

Красное Сормово 60 лет назад являлось гнетущей и серой слободкой, в которой «рано утром волком выл гудок», а «в полдень слова гудок, отваливались черные губы ворот, открывая глубокую дыру; завод тешило пережеванными людьми, черным потоком они изливались на улицу». Место Овца Культуры, кино и театра, вместо клуба им. Горького, десятка библиотек теперь — кабаки и трактиры, калечившие рабочего, затемнявшие его классовую волю к борьбе и протест. Повесть «Мать», любимая повесть рабочего класса, читаемая пролетариатом всего мира, начинается с описания Сормова, с описания звериного быта в семействе Власовых.

Горький связан с Нижним своим творческим словом внутренне и глубоко. Конкретные персонажи революционной нижегородской действительности послужили ему материалом для творческого процесса. Очерки «Н. А. Бугров», «А. Н. Шмидт», «Монархист», «Пожары», «Первая любовь» и др.—это живые страницы нижегородского прошлого. Фигуре Бугрова Горький посвящает специальный очерк, вскрывая под длинным старообрядческим кафтаном подлинное социальное лицо крупнейшего

эксплоататора, хищника, миллионера, владельца паровых мельниц, десятка пароходов и флотилий барж. О подлинной сути этого человека у Горького имеются такие строки: «Человек этот брал у бедняков-родителей дочь, жил с ней, пока она не надоедала ему, а потом выдавал ее замуж за одного из сотен своих служащих или рабочих, снабжая приданым в три, в пять тысяч рублей, и обязательно строил молодоженам маленький в три окна домик, ярко окрашенный, крытый железом. В Сейме, где у Бугрова была огромная паровая мельница, такие домики торчали на всех улицах» («Н. А. Бугров»).

Горький умеет рядом штрихов показать человека полностью, в целом.

Вот, например, четкая характеристика персонажа «Проклятого рода», владельца роскошного дома на Откосе, горбуна, миллионера Митрофана Руквишниковца:

«Этот маленький, горбатый человек жил выдуманной жизнью, считая ее очень утонченной и красивой. Он ложился спать утром, вставал вечером; к нему ночами приходили друзья... они всю ночь пили, играли в карты, а иногда, приглашая местных красавиц «свободной жизни», устраивали маленькие оргии». («Н. А. Бугров»).

Нижний-Новгород, богато изображенный Горьким, социалистический центр, располагающий такими гигантами промышленности, как Автоза-

вод, «Красное Сормово» и другие, с полным правом может считать Максима Горького своим не потому только, что Горький родился и жил в Нижнем. Глубочайшая ненависть к любым формам социального угнетения, величайшая преданность интересам рабочего класса, борьба за его цели и его стремления делает Горького близким миллионным массам пролетариата.

Рабочие массы нижегородских гигантов социалистической промышленности приветствуют Горького-борца и писателя, выражая уверенность в том, что, приехав к нижегородцам, Горький увидит растущий социалистический город, достойный творческого внимания величайшего художника пролетариата.